

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

К Н И Г И
Я.-Ф. ЗЕНДКЕРА

Искусство слышать стук сердца
Сердце, живущее в согласии

ПРОБУЖДЕНИЕ ДРАКОНА

Книга 1. Шепот теней

Книга 2. Голос одиночества

Ян-Филипп Зендкер

ГОЛОС
ОДИНОЧЕСТВА

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
3 56

Jan-Philipp Sendker
DRACHENSPIELE
Copyright © 2009 by Karl Blessing Verlag
All rights reserved

Перевод с немецкого Ольги Боченковой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки
Сергея Шикина и Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-12692-3

© О. Боченкова, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2017
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается
Анне, Флорентине и Джонатану*

Пролог

Я оказалась в аду. Сама я ничего для этого не сделала и не помню за собой никакой вины. Должно быть, просто ошиблась. Свернула не в тот коридор в запутанном лабиринте жизни и не заметила. Пошла налево, а нужно было направо, или наоборот. Я не увидела ни вывески, ни указателя, которые могли бы меня предупредить. Немудрено, ведь я летела вперед, не глядя по сторонам. Впрочем, как и всегда.

Конечно, многие прошли здесь до меня. Я должна была разглядеть их следы на длинной, утоптанной дороге в преисподнюю. Должна была слышать их голоса, почувствовать запахи. Но что мы видим, слышим и обоняем? Только то, что хотим.

Здесь я не одна. Ад — довольно населенное место, что совсем меня не утешает.

Жизнь покидает меня с каждым выдохом. Я как старая стена, которую разбирают по кирпичику. С каждым днем от меня остается все меньше.

Тело мое подобно глухой пещере. Там тьма непроглядная, ни единый лучик не проникает в меня. Холодно и сыро, я мерзну круглые сутки.

Внешний мир померк в моих глазах. Сначала размывались краски. Дом, поля, деревня — все стало черно-белым. Как в старых фильмах, которые мы с тобой так любили смотреть. Потом начали расплываться контуры, как будто между мной и миром

встала стена воды. Наконец все погрузилось в темноту.

Я больше ничего не чувствую, не обоняю, не осязаю. Ничего не осталось от красоты и порядка, которые прежде окружали меня. Кроме тебя и музыки. Только это еще и привязывает меня к миру. Я вижу тебя. Твой образ навсегда выжжен в моей душе. Твои нежные руки с тонкими, изящными пальцами. Улыбающиеся глаза. Губы. То, как ты сидишь, склонившись над миской риса. Без тебя я не смогла бы вынести ни секунды этой пытки.

И еще в моей памяти всплывают партитуры. Я отчетливо различаю пять тоненьких чернильных линеечек на белоснежном листе бумаги с похожими на головастиков нотными знаками. Аллегро, модерато, адажио. Я слышу каждый звук, высокий и низкий, легкий и тяжелый. Чувствую, как быстрые молоточки ударяют по струнам, как скользит, вздрагивая, смычок. Фуги, этюды, сонаты. Здесь целый оркестр — скрипки, духовые, тромбоны. Я даже слушаю оперы. Мими, Альфредо, Фигаро, Царица ночи — мои постоянные спутники. Я поздно открыла их для себя, поэтому не успела ими насладиться. Это словно неутоленный голод, прости. У меня в голове музыка. Она облегчает боль и прогоняет мрачные мысли, как ветер тучи. Я потеряла почти все, но музыку никто у меня не отнимет.

ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ, ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ?

Да, конечно. Я потеряла способность двигаться и не могу ни протянуть тебе руку, как бы мне того ни хотелось, ни повернуть голову. Но, будучи не в силах поблагодарить тебя, я могу слышать. Каждый твой шаг, каждый вздох, звук, слово. То, как ты гремишь посудой или подметаешь пол. Двигаешь стулья. Опорожняешь в туалете судно с моими

экскрементами. Ложишься рядом и греешь меня — я ведь вечно мерзну. И это те моменты, ради которых стоит жить.

СЛЫШИШЬ ЛИ ТЫ МЕНЯ? ГДЕ ТЫ?

Я ничего не желаю так, как заговорить с тобой. Но не получается. Я заперта в этом проклятом теле и могу сколько угодно барабанить в стены своей темницы и кричать... Все равно меня никто не услышит. Ш-ш-ш-ш... Ш-ш-ш-ш-ш... Я пробовала совсем недавно. Округлила губы, прижала язык к нёбу, к внутренней стороне зубов. Произнесла три слова, только три... Ты меня не понял. Ты подставил ухо к моим губам и попросил повторить, но у меня больше не получалось. «Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...» — вот все, на что я оказалась способна. Я целиком ушла в это «ш-ш-ш», но только на пару минут, пока — молчание снова не захватило меня, после чего осталось только бульканье, урчание и хрип... Какая мука для того, кто так любит человеческий голос!

Теперь язык лежит у меня во рту бесполезным обручком. Губы мои неподвижны. Все, что я еще чувствую, — твое дыхание на моей щеке, когда ты целуешь меня на ночь. Дыхание моего старого возлюбленного, его не спутаешь ни с чьим. Дыхание нашей с тобой жизни.

Но самое страшное — это ночи, хотя тьма и окружает меня круглые сутки. Это тишина снаружи, я переносу ее тяжело. Дом, двор, деревня — все вокруг меня умолкло.

Я еще слышу, как где-то проезжает грузовик. То там, то здесь лают собаки. А кошки давно мертвы. Твое дыхание — вот единственный звук, который еще остается мне после полуночи.

Они убеждают тебя, что я не более чем пустая оболочка плоти. Старая, высохшая кукла. Но их

обманывает видимость вещей, как это часто бывает. Все они носят форму — белые халаты. Я знаю, хотя ничего не вижу. У всех, кто носит форму — не важно какого цвета, — одинаковые голоса. Уверенные, не терпящие возражений. Анализы свидетельствуют: все безнадежно.

Но эти люди сами не понимают, что говорят. Тот, кто произносит «безнадежно» без дрожи в голосе, не имеет ни малейшего представления о безнадежности. Все безнадежно только в царстве мертвых, но оно закрыто для нас. Чего мы с тобой только не наслушались от одетых в форму мужчин и женщин! Не верь ни единому их слову. Они ничего не знают. Стоит им закрыть глаза — и их мир погружается в сплошной мрак. В них нет музыки.

А меня не стоит жалеть. Меньше всего мне нужны слезы на моей подушке. Я не жалуясь, нет. Пока ты со мной, во всяком случае. Если я правильно понимаю, это только преддверие ада. Сам ад предназначен для одиночек, то есть не для меня.

Не для меня, пока я чувствую на щеке твое дыхание.

I

— У тебя любовный голод.

Он впервые слышал такое от женщины. Любовный голод. Что это — жалоба или комплимент?

— А у кого его нет? — спросил он тогда, не особенно задумываясь над тем, что она имела в виду.

— У всех есть, — усмехнулась она. — Только у одних чуть больше, у других чуть меньше.

— А у меня? Больше или меньше?

— Больше. Больше, чем нужно.

Он взял ее на руки. Бережно, потому что боялся когда-нибудь раздавить это хрупкое тело, которое возбуждало его, как никакое другое, лишая разума долгими бессонными ночами. Потом глубоко вдохнул и прикрыл глаза.

Больше. Больше, чем нужно. Любовный голод. Времена, когда его можно было обидеть такими словами, давно прошли. Тогда он, пожалуй, возмутился бы, но сегодня — другое дело. Хотя понятия «голод» и «любовь» все еще плохо сочетались в его сознании. Любовь, по крайней мере с Кристиной, воспринималась им как изобилие, полнота жизни. Голод же, напротив, означал недостаток, нужду. С голодом следует бороться любой ценой. Голод не знает ничего, кроме себя, а любовь обращена к миру. Голодный человек слаб, любящий — всемогущ. Если у любви и есть что-то общее с голодом, то только то, что и то и другое невозможно утолить.

Он спросил, что она имеет в виду. Что это — претензия или лесть?

— Ни то ни другое, — отвечала она. — Просто констатация факта.

На этом дискуссия прекратилась. До поры до времени.

«А что, если она была права?» — рассуждал теперь он. Что, если те три года оставили в его жизни более глубокий след, чем казалось до сих пор? Три года, когда он желал лишь быть один. Три года, когда считал большой удачей за весь день не перекинуться ни с кем ни единым словом. Мир ограничился для него стенами дома, пределами малонаселенного островка в Южно-Китайском море, где не было даже машин. Он целиком ушел в себя, в свои воспоминания, и не любил никого, кроме одного мертвого мальчика. Но так ли это было на самом деле?

Любовный голод. В этих словах было нечто такое, от чего его коробило. И он непременно возразил бы Кристине, если бы заранее не знал ее ответ.

«У одних больше, у других меньше».

«А у меня?»

«Больше. Больше, чем нужно».

Он ничего не сказал, только поцеловал ее в лоб. А потом, погрузив длинные пальцы в ее волосы, принялся ритмичными движениями массировать ей голову. Кристина прикрывала глаза, когда он касался ее лица и губ. Он чувствовал, как учащается ее дыхание, как в ней поднимается волна желания — верный знак, что этим все не кончится. Когда он целовал ее в шею, она прошептала, что хочет заняться любовью. Прямо здесь, на террасе.

Вокруг стрекотали цикады, громко чирикали птицы, откуда-то издали раздавались голоса соседей. Он хотел возразить, что это неосторожно, не лучше

ли подняться в спальню? Но она увлекла его поцелуями и не дала сказать ни слова.

Потом Кристина принесла ротанговый стул и усадила Пола, мягко, но решительно надавив на плечи. По счастью, она была в юбке. Кристина задавала ритм, который становился все неистовей, и под конец издала короткий крик — не радостный, как обычно, а какой-то сдавленный, утробный, почти как от отчаяния. Как будто была с ним в последний раз.

Они еще долго сидели, вцепившись друг в друга, молчали, прислушиваясь к постепенно успокаивающемуся дыханию. Потом она встала, обхватила его за виски и поцеловала в глаза. Прежде чем подняться, спросила, понимает ли он, как она его любит и что он значит для нее? Он кивнул несколько рассеянно и пробормотал что-то вроде того, что никогда ее не забудет. Потом кивнул еще раз, слишком усталый, чтобы задавать вопросы.

Когда он провожал ее до парома, она молчала, чем даже напугала его. Был душный тропический вечер, они спускались по склону в деревню Юнсювань, окруженные непроходимыми зарослями, в которых вечно что-то шипело, пицало и стрекотало. Он спросил, о чем она думает.

«Ни о чем», — ответила Кристина. Все ли в порядке? Этот вопрос она пропустила мимо ушей. Время подгоняло, под конец они побежали. Кристине никак нельзя было опаздывать на паром, она обещала маме и сыну быть дома самое позднее к ужину.

Как же он ненавидел беготню! Следующий паром на Гонконг отходил через сорок минут, поэтому Пол не видел необходимости в такой спешке. Сам он, опаздывая к парому, проходил последние метры спокойным, размеренным шагом, обгоняемый

толпой рвущихся на пристань пассажиров, и нередко один-единственный не успевал взойти на борт. Но и тогда, вместо того чтобы сыпать проклятиями, садился на скамейку в тени пиний, где стоял передвижной шкафчик с книгами, и смотрел на море. Или присаживался на корточки у самой воды и следил, как плещется под ногами белая пена.

Еще ребенком он любил наблюдать за солеными хлопьями, которые исчезали, едва коснувшись воды. Они состояли из мельчайших капелек, что на считанные секунды отделялись от Мирового океана. То, что каждая из них прекращала существование, становясь частью целого, из которого только что вышла, странным образом утешало десятилетнего Пола. «Жизнь человеческая подобна капле, упавшей на раскаленную плиту, — говорил его отец, — и оборачивается в ничто с таким же пшиком». Это сравнение, правда, нравилось Полу гораздо меньше.

Зато он любил наблюдать за волнами, которые играли рыбацкими лодками и мягко набегали на камни. Он слушал голос моря. Случалось, даже пропускать паром, зазевавшись.

У него ведь не было сына, который ждал его на том берегу, как выразилась однажды Кристина.

Что правда, то правда, его сын был мертв.

Кристина извинилась, как только поняла, что сказала не то. Она всего лишь имела в виду, что у Пола ни перед кем нет никаких обязательств. Он никому не должен — ни шефу, ни клиентам, ни семье, поэтому может позволить себе не спешить. Даже если опоздает на свидание, она, так и быть, простит.

И здесь Кристина была права. Хотя, что касается пунктуальности, как поспешил заметить Пол, он до сих пор ни разу не провинился. Если встреча была назначена, он не мог пропустить паром ни под

каким видом и всегда был на пристани минут за пятнадцать-двадцать до отправления. Ожидание не пугало его, совсем наоборот. Он воспринимал эти минуты вынужденного безделья как подарок судьбы.

На прощание Кристина поцеловала его в щеку. Пол видел, как она поднялась по трапу, не оглянувшись, и в считанные секунды исчезла в чреве судна. Пол постоял на пирсе еще некоторое время, махая рукой в темноту, пока паром не скрылся за прибрежными скалами.

Вечер выдался безлунный, море лежало перед ним черное, только где-то вдали маячили огни Ченг-Чау и Лантау. Мимо прогрохотала джонка с туристами, Пол слышал радостные детские крики и урезонивающие голоса взрослых. Такие же звуки и смех доносились со стороны променада в Юнсюване. Пол прошелся вдоль мола, наслаждаясь мягким, как шелк, воздухом, и присел за столик ресторана «Грин коттедж», у самой воды. Заказал свежесжатый яблочно-морковный сок с имбирем. В ресторане он один был без пары. Как же ему сейчас не хватало Кристины! А ведь паром до Гонконга всего минуты две как отчалил.

Месяц назад они сидели на этом самом месте, любовались красными фонарями, чей свет отражался в воде, и снующими туда-сюда рыбацкими лодками. Тогда они впервые всерьез заговорили о том, стоит ли им съехаться. Джош мог бы добираться до школы на пароме. Дом достаточно просторный. Насколько под силу Полу вынести присутствие чужого ребенка в комнате Джастина? Идея насколько чудовищная, настолько соблазнительная. Попытка создать новую семью в пятьдесят три года. Другого шанса не будет.

Эта мысль не оставляла Пола весь день. Он пытался поделиться ею с Кристиной, но та увильнула от ответа, ушла в себя и замолчала. Любовный голд. Как только она додумалась до такого! И почему именно сегодня? Разве Пол дал ей повод? Он пытался вспомнить, каким тоном она произнесла эти слова. Тогда ему показалось, что с нежностью, но теперь он в этом сомневался.

В воскресенье вечером она всегда звонила ему из дома, говорила, что все в порядке, как здорово прошло их свидание и что ей уже не хватает его. Пол отвечал, что с ним творится то же самое. Это был такой ритуал. Вероятно, для кого-то он значил бы не больше чем любая другая привычка — встречи и прощания, совместные ужины и завтраки, пожелания доброй ночи и признания в любви. Только не для Пола Лейбовица, с некоторых пор придававшего большое значение каждой бытовой мелочи.

Он решил настичь красоту там, где она прячется, — в мелочах. Впервые в жизни.

Смерть сына стала для него хорошим учителем. Суровым и придирчивым, который не прощал ошибок и не терпел пререканий. От нее Пол усвоил один важный урок: никакого «естественного» хода жизни не существует, поэтому в этом мире ничего нельзя знать наверняка.

Раньше Полу казалось естественным, что каждый младенец со временем развивается в подростка, а подросток во взрослого и что заболевший ребенок в конце концов обязательно выздоравливает. Когда же на теле мальчика появлялось фиолетовое пятно, Пол наверняка знал: тот обо что-то ударился.

Теперь он понимал, что счастливый исход болезни не более чем случайность, прихоть судьбы. И тот, кто однажды осознал это, кто принял эту ба-

нальную истину в качестве единственного и непреложного закона жизни, обречен скитаться до конца своих дней. Превратиться в бродягу, который будет строить планы, производить детей, покупать недвижимость, не забывая при этом ни на секунду, что предается иллюзии. Что будущее — это обещание, которому нельзя верить. Что счастье всей жизни подвешено на одной-единственной, до предела натянутой нити. Настолько тонкой, что ее почти никто не замечает.

К моему величайшему сожалению, вынужден вам сообщить...

Когда-то детский врач одной этой фразой перерезал нить, на которой держалось счастье Пола. Раз и навсегда. До скончания века, как выразился бы его сын. Жизнь продолжалась, но будущее для Пола перестало существовать. Пока он не встретил Кристину.

Как будто доверие — это глупость. Как будто у нас есть выбор.

Эти ее фразы сразу крепко засели у него в голове. Поначалу Пол не воспринимал их всерьез. Даже удивлялся про себя, как взрослая женщина может быть такой наивной. Он-то не сомневался, что недоверие — нечто вроде предусмотренной природой реакции, защищающей нас от ненужных разочарований. «С какой планеты свалилась эта женщина, — подумал тогда Пол, — Кристина У, мечтательница?»

Себя он, разумеется, считал реалистом.

О каком доверии можно говорить, когда у человека отняли то, что составляло смысл его жизни? Отняли среди ночи, по-разбойничьи. Просто потому, что размножение красных кровяных телец вдруг ни с того ни с сего вышло из-под контроля и эту лавину

Зендкер Я.-Ф.

З 56 Голос одиночества : роман / Ян-Филипп Зендкер ; пер. с нем. О. Боченковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 416 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-12692-3

Бывший журналист Пол Лейбовиц вот уже тридцать лет живет в Гонконге. У него есть подруга Кристина, и в ее любви он наконец нашел утешение после смерти своего сына Джастина. Неожиданно Кристина получает письмо от старшего брата, которого не видела почти сорок лет и считала погибшим. Брат, думая, что Кристина воплотила свою детскую мечту и стала врачом, просит о помощи: его жену поразил тяжелый недуг. Вместе с Кристиной Пол едет в отдаленную деревню за пределами Шанхая. Оказалось, что болезнь поразила не только жену брата Кристины. И Пол начинает собственное расследование, но ему все время угрожают и вставляют палки в колеса. К тому же Пол не может забыть предсказание астролога: вы жизнь заберете, вы жизнь подарите, вы жизнь потеряете...

«Голос одиночества» — увлекательная вторая книга в серии «Пробуждение дракона», международного бестселлера Яна-Филиппа Зендкера.

Впервые на русском языке!

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

ЯН-ФИЛИПП ЗЕНДКЕР

ГОЛОС ОДИНОЧЕСТВА

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Редактор Елизавета Дворецкая
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Нина Тюрина, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.07.2017. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 20,28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

НАВА2079701R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19
e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60
e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/